

ДЕГТЯРЕВ Александр Якимович — д.и.н., профессор, советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ

НЕВСКАЯ БИТВА: ЕЕ МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. На основании двух главных исторических документов, имеющих статус первоисточников: «Повести о битве на Неве» из «Жития великого князя Александра» и «Новгородской первой летописи старшего извода» автор восстанавливает топографию и ход битвы. Он рассматривает ее как исток многовековой оборонительной эпопеи — «крепостного противостояния» России и Швеции вплоть до роли Кронштадтской крепости уже в XX в. Совершая реконструкцию хода битвы, автор делает вывод о судьбоносном ее значении, определившем весь дальнейший ход российской истории.

Ключевые слова: Невская битва, Россия, Швеция, Александр Невский, средневековые крепости, летописи, российская история, топография сражения

Невская битва занимает особое место среди великих сражений, ибо, в отличие от других подобных событий глубокой русской древности, нам с точностью известно место, где она произошла, а также день и даже час столкновения. В основе исследования — два главных исторических документа, имеющих неоспоримый статус первоисточников. Первый — «Повесть о битве на Неве» из «Жития великого князя Александра». Текст, относящийся к 80-м гг. XIII в., реконструирован одним из крупнейших современных знатоков русского летописания Ю.К. Бегуновым [Бегунов 1965: 188–190]. Второй документ — «Летописный рассказ о сражении на Неве» из синодального списка XIV в. «Новгородской первой летописи старшего извода» относится к более позднему периоду (XIV в.), но восходит к древним временам и не менее ценно, тем более что оно, по мнению исследователей, не пересекается с текстом из Жития [Новгородская первая летопись... 1950: 77].

Вышеприведенные источники содержат множество ярких деталей, которые безоговорочно убеждают непредвзятого читателя в том, что сражение действительно было и носило ожесточенный характер. Скептически же настроенные авторы полагают, что наличие известий в русских источниках при отсутствии упоминаний о битве в скандинавских документах и сказаниях свидетельствует в пользу того, что Невская битва была мелким эпизодом русско-шведских отношений того времени, а ее значение сильно преувеличено. В статье мы показываем, что это утверждение неправомерно.

Каких-либо свидетельств о том, какой берег реки Ижоры стал местом продолжительной остановки шведов, а затем и ареной битвы, в них нет. Тем не менее историографическая традиция в лице многочисленных исследователей и популяризаторов XX в. единогласно определяет полем битвы правый берег Ижоры. Но четверть века назад И.П. Шаскольский, авторитетный знаток русско-шведских отношений того времени, высказывал некоторые возражения против этой устоявшейся точки зрения. Проведенное им обследование места Невской битвы позволило ему установить, что сражение могло происходить только на низменном левом берегу, где имеется значительное плоское пространство, удобное для устройства лагеря. Именно на левом берегу еще в XVIII в. была построена церковь — памятник Невской битве, восстановленная к 750-летию юбилею сражения [Шаскольский 1990].

Я тогда же поддержал основательность его рассуждений [Дегтярев 1995], хотя и не согласился с тем, что возникновение этой историографической традиции вызвано лишь тем, что ни один из исследователей битвы не удосужился побывать на ее месте. Такое объяснение возникновения общепризнанной топографической схемы сражения было бы очень простым.

Думается, что решающей предпосылкой возникновения версии о том, что и лагерь шведов, и сражение связываются с правым берегом Ижоры, является следующее обстоятельство. Новгородское войско, возглавляемое князем Александром, шло к шведскому лагерю со стороны Ладоги. Гипотетический путь его, выстроенный усилиями многих исследователей, рисуется следующим образом. Большую

часть пути от Ладоги до устья впадавшей в Неву выше, чем Ижора, реки Тосны русские прошли на ладьях. Дальше двигаться по Неве было нельзя — шведы наверняка обнаружили бы приближение войска, и тогда расчет на внезапность нападения, а это было одним из главных условий в тактическом плане новгородцев, был бы неминуемо утрачен. Поэтому суда свернули в Тосну, поднялись на несколько километров вверх по ней, и здесь, в месте наибольшего сближения Тосны с одним из притоков Ижоры, произошла высадка войска. Дальше путь лежал по суше вдоль плавно извивавшихся мелких рек прямо к лагерю шведов. Прорвав его, войско князя Александра, так и не замеченное шведами, которые почему-то не обеспечили выставление боевого охранения, ударило из приречного леса по шведскому лагерю. Рассуждения создателей традиционной схемы были не лишены резонанса: удар новгородской дружины был нанесен из глубины приневских лесов, водные преграды (Ижора) при этом не форсировались — иначе о факторе внезапности говорить не приходится.

Таким образом, не исторические факты, а общие логические рассуждения о направлении подхода русского войска со стороны Ладоги в сочетании с ударом из леса привели к выводу о расположении лагеря шведов на правом берегу. Исторических свидетельств, к сожалению, нет.

И.П. Шаскольский привел только один аргумент против устоявшейся и давно ставшей общим местом отечественной историографии точки зрения. Однако аргументация в пользу места, где проходило сражение, может быть существенно дополнена и развита после внимательного прочтения источников и изучения существовавших в ту эпоху норм и правил военного искусства.

Прежде всего, следует обратиться к анализу возможных целей шведского похода. Новгородская летопись (XIV в.) прямо говорит, что шведы хотели «восприять Ладогу, просто же реку и Новгород и всю область Новгородскую». Столь грандиозная цель была заведомо не по силам вторгшемуся войску, что, собственно, и показала Невская битва. В житийном рассказе цель шведского похода формулируется скромнее: «Пойду и пленю землю Олександрову». Но пленить можно по разному — тотальным захватом, к чему и склонялся позднейший летописец, или нанеся противнику иной существенный ущерб, перекрыв, например, важные торговые пути, и т. п.

Чтобы понять, существовало ли подобное намерение, стоит обратить внимание на сообщение Жития о том, что старейшина Пелгусий скажет Александру «станы их и обрытья их». На наш взгляд, станы располагались на *двух* берегах устья Ижоры. В пользу такого расположения косвенно свидетельствуют общие размеры шведского флота. Большое число шнеков были пришвартованы вдоль Невы с двух сторон от устья Ижоры. Лишь небольшая их часть, возможно, даже сомкнутая в виде моста, располагалась в этой малой реке. Мост этот соединял берега и таким образом объединял обе части войска.

К этой мысли подталкивает и второе, уже давно забытое слово «обрытья» из донесения Пелгусия. «Обрытья» — рвы и валы, которыми окружали военный лагерь, рассчитанный на длительное пребывание войска на вражеской территории¹. Как правило, при их сооружении проводились внушительные древо-земляные строительные работы. Высокий правый берег Ижоры в этом смысле, несомненно, был предпочтительнее низменного левого. Средневековые крепости всегда возводились на высоких берегах.

Важный вопрос состоит в том, кто соорудил «обрытья». С большим основанием можно предположить, что это была не рыцарская часть войска, а гребцы многочисленных шнеков и другой вспомогательный персонал, входивший в состав ледунга. Работы, видимо, имели достаточно большой масштаб. Об этом говорит одно топонимическое свидетельство, дожившее до наших дней. Вдоль высокого правого берега Ижоры идет длинная улица, упирающаяся в берег Невы. Она носит чрезвычайно характерное, причем довольно древнее название — Бугры!

Наличие «обрытий» позволяет объяснить и еще одно малопонятное, если вдуматься, сообщение летописи: «...а прок их, ископавшее яму, вмешаша в ню

¹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1987. (гл. ред. Д.И. Шмелев). Вып. 12. М.: Наука. С. 166.

бешисла». Может показаться странным, но ни один из исследователей битвы не задался вопросом – как потерпевшая сокрушительное поражение армия, когда угроза нового нападения весьма реальна, занимается ночью («не дождавше света понедельника») рытвем огромной братской могилы? Но все становится на свои места, если предположить, что братской могилы для погибших в сражении шведов послужили те самые «обрытья», которые должны были стать элементами будущей крепости. Чтобы «вметать» в них погибших «бешисла» и наскоро засыпать землей, извлеченной до этого, много времени не потребовалось.

Можно с достаточным основанием предполагать, что одной из главных целей похода 1240 г. было намерение шведов основать на Неве береговую крепость, которая позволила бы контролировать активные торговые маршруты между Новгородом и странами Ганзейского союза. Это стремление на века стало важным фактором шведской политики. Так, в 1293 г., захватив основанный за полтора века до этого русско-карельский город Выборг, шведский маршал Торгильс Кнутсон построил там мощный замок-крепость. Это позволило перерезать важный торговый путь из Ладожского озера через Вуоксу в Финский залив. А в 1300 г. в устье реки Охты, на территории современного Санкт-Петербурга, шведам удалось основать крепость с пышным и характерным названием Ладскрона – Венец земли. Эта крепость перекрывала главную торговую артерию – Неву. Учитывая предыдущий горький опыт, шведы сооружали крепость под прикрытием большого сторожевого отряда, расположенного на Ореховом острове.

Ответ новгородцев, сразу понявших эту угрозу, был, как и в 1240 г., твердым и решительным. Против шведов были двинуты лучшие воинские силы средневековой республики. Но сокрушить этот опасный шведский форпост удалось лишь в следующем году, призвав на помощь сына Александра Невского Андрея, княжившего во Владимире. Ладскрона была сожжена и скрыта с лица земли. А новгородцы, поняв стратегическую ценность небольшого островка в истоке Невы, спустя два десятилетия основали там легендарный Орешек.

Шведы не забыли про Ландскрону и спустя три (!) столетия, когда во времена Смуты им удалось захватить невские берега, на месте Ландскроны была воздвигнута новая шведская твердыня – Ниеншанц. России потребовалось целое столетие, чтобы справиться с нею, когда неукротимая энергия Петра позволила вернуть эти земли в лоно России. Таким образом, «крепостное противостояние» длилось почти пять столетий!

Петр со свойственной ему решимостью прекратил его навсегда, основав на острове Котлин военно-морскую крепость Кронштадт. Эта оборонительная система целенаправленно развивалась в течение двух с лишним веков. К началу XX в. она включала в себя более 20 фортов, больше 100 километров ряжевых, каменных и свайных преград. Швеция к этому времени уже выпала из разряда великих европейских держав, но Кронштадт не потерял, а упрочил свое значение для обороны России. В годы Первой мировой войны Кронштадтская крепость сыграла исключительную роль, вынудив германское командование отказаться от идеи морского прорыва к столице Российской империи. А в годы Великой Отечественной войны мощные орудия крепости на весь период блокады обозначили непреодолимую для врага дугу Ораниенбаумского пятачка, ставшего одним из главных плацдармов во время освобождения Ленинграда. За три с лишним столетия Кронштадт не пропустил к северной столице ни одного вражеского корабля!

Вернемся, однако, к Невской битве – истоку этой многовековой оборонительной эпопеи, к рассуждениям о «станах». Если стан строителей масштабных «обрытий» располагался на высоком правом берегу, то рыцарскому войску и «златоверхому шатру» ярла можно найти только одно местоположение – левый, относительно ровный берег Ижоры.

Такой выбор диктовала и военная целесообразность. Расположение лагеря на левом берегу обеспечивало мощную естественную преграду на путях наиболее вероятного подхода новгородского войска. Пренебрежение этим обстоятельством (в случае расположения лагеря на правом берегу) следует расценивать только как

невероятную беспечность, которую опытные шведские военачальники вряд ли могли допустить.

Эффективное использование водных преград было общим правилом средневековых стратегов. Русские войска неоднократно демонстрируют нам его, например, в битве на реке Воже (1378) или знаменитом стоянии на Угре (1480). И напротив, печально известная битва на реке Пьяне (1377) показывает цену пренебрежения этим правилом.

Традиционная версия о расположении шведского лагеря на правом берегу не позволяет ответить и на другой важный вопрос, который, правда, даже не ставился в нашей историографии, — об отсутствии боевого охранения шведского лагеря. Внезапность нанесенного русскими удара дает все основания предполагать, что оно практически отсутствовало, причем именно на том направлении, откуда появление противника выглядело наиболее вероятным. Почему оно не было выставлено, если считать, что шведы расположились на правом берегу, исходя из тогдашних правил военного искусства, объяснить невозможно.

Но если предположить, что лагерь находился на левом берегу, а на правом располагалось большое число участников похода — гребцов, строителей и прочих, имевших, конечно, какое-то оружие и уже прикрытых строящимися укреплениями — такие объяснения можно принять. Кроме того, остановка на левом берегу была более логичной с той точки зрения, что в тылу шведского войска, спокойно поднявшегося по Неве до Ижоры, оставался известный, пройденный без каких-либо осложнений маршрут. Таким образом, это было тактически и психологически обоснованное решение.

О том, что сражение шло на обоих берегах Ижоры, прямо свидетельствует помещенное в конце житийной повести о битве и приписанное автором вмешательству высших сил известие: «обонь поль реки Ижеры, идее же бе непроходно полку Олександрову. Здесь же обретошася многое множество избьенных от аггела Божия» [Новгородская первая летопись... 1950: 124].

Действующих сил, обеспечивших успех, может быть названо, по крайней мере, две, а то и три. Это пешие «ладожаны» и «ижорская стража морская», которые почти наверняка были направлены Александром, подробно знавшим дислокацию войск противника. Не исключено, что это могли быть и новгородцы, которые могли успеть подойти ко времени сражения.

Считается, что потери русских в битве были невелики, а это является для скептиков основанием считать Невскую битву незначительным столкновением. Летопись называет по имени 20 человек, из них несколько героев по имени. Но в списке конца летописи конца XIV века присутствует одна загадочная фраза. Это фраза: «а всехъ 20 мужъ с ладожаны, или мне, Бог вестъ». Видимо, здесь имеет место искажение, и в оригинале были слова «инии мнози» вместо непонятного «или мне».

Наконец, важным обстоятельством может быть признано отмеченное И.П. Шаскольским заметное неудобство прилегающего к устью Ижоры правобережья для войскового стана. Линия правого берега Ижоры здесь и до сих пор сохраняет высокую крутизну, и предпочесть его более спокойному ландшафту левобережья без особых к тому резонов было попросту неразумно.

Сумма изложенных выше соображений заставляет склониться к принятию новой версии о целях похода, расположении шведского лагеря и ходе сражения. Наиболее вероятным местом главной части сражения следует признать левый берег Ижоры при впадении ее в Неву. Именно здесь и был воздвигнут спустя столетия храм, посвященный святому Александру Невскому. Признание этого факта влечет за собой серьезные коррективы, которые придется внести в гипотетическую реконструкцию финишного участка пути новгородского войска к месту сражения. Главные силы противника были атакваны с того направления, которое считалось относительно безопасным, что и было учтено и блестяще использовано князем Александром Ярославичем.

В заключение следует вернуться к главному вопросу — о значении победы в Невской битве для дальнейших судеб Руси. Александр Невский был первым русским князем, получившим почетное прозвище за подвиг. Время и знания высве-

тили новые, тогда неведомые современникам и ближним потомкам грани совершенного. Чтобы вполне оценить их, уже недостаточно только знания истории русского народа, Русского государства. Только изучив историю многих других народов и племен, как сохранивших себя, так и навсегда исчезнувших в кипящих водоворотках нашествий, смерчами крутившихся на просторах Евразии, мы поняли, от какой судьбины избавило нас самозабвенное мужество предков. Вопрос о том, что случилось бы, если бы Невская битва была проиграна или если бы русские вообще не решились на сражение, не кажется праздным или лишенным научных оснований.

Захват шведами, по крайней мере, части новгородских территорий, создание на Неве мощной, перекрывающей Новгороду торговые пути крепости сделали бы неизбежным последующий крупный экономический урон. В сочетании с данью в пользу всемогущей Орды это самым решительным образом ослабило бы Господина Великого Новгорода. А согласованное со шведами вторжение рыцарей с третьего стратегического направления — из Прибалтики — могло стать последним событием новгородской истории.

История Новгородской земли была бы закончена, как случилось в те годы с куда более могущественными народами и племенами. Три мощных удара с разных направлений всего за 5 лет! И любой мог привести к утрате самостоятельности русских средневековых республик — последнего, никем не покоренного осколка некогда могучей Древней Руси. Таким мог бы быть неосуществившийся, но имевший все основания стать реальностью вариант нашей истории.

А что породил бы он в цепи неумолимо наступающих исторических следствий? Предположим, что Новгород и Псков утратили самостоятельность, стали владениями Швеции и Ордена. У конунгов появилась бы реальная возможность (сильные финские племена уже были покорены) создания «великой Швеции» — от Балтики до Белого моря. Новгород был в то время единственным барьером, сдерживавшим эту экспансию. Это означало бы утрату Русского Севера, одного из важнейших источников роста экономического могущества русских земель, собирания сил для борьбы с ордынским игмом.

Горделивая Тверь и подымавшаяся Москва оказались бы в жестоких жерновах: с юга — Орда, с запада — Орден, с севера — Швеция... Возможность рождения русского централизованного государства в таких условиях превратилась бы в практически невероятную цель или исчезла бы совсем. Подобное движение русской истории стало бы неосуществимым.

Память о Невской битве, о деяниях князя Александра Ярославича переходит от поколения к поколению, меняя формы, но сохраняя свою нетленную суть. Сущность ее проста: исполненное ума, решительности и точного расчета самоотверженное и отважное служение Отечеству, особенно нужное ему в трудные переломные времена. Таков непреходящий завет, достигший нашего времени и уже протянувшийся нитью в будущее.

Список литературы

Бегунов Ю.К. 1965. *Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли»*. М.-Л.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (предисл. и ред. А.Н. Насонова; отв. ред. М.Н. Тихомиров). 1950. М.-Л.

Шаскольский И.П. 1990. Невская битва (к 750-летию). — *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения*. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: тезисы докладов. М.

Дегтярев А.Я. 1995. Место битвы изменить нельзя? — *Колпица*. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. СПб. С. 78-82.

DEGTYARYEV Aleksandr Yakimovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Advisor to the Chairman of the Federation Council, Federal Assembly of the Russian Federation

THE NEVA BATTLE: ITS PLACE AND SIGNIFICANCE

Abstract. On the basis of two main historical documents: «The Tale of the Battle of the Neva» from «Hagiography of the Grand Duke Alexander» and «The First Novgorod Chronicle senior», having the status of primary sources, the author reconstructs the topography and the tide of the battle. He considers it as a source of a centuries-old «serf confrontation» between Russia and Sweden, up to the role of the Kronstadt fortress already in the 20th century. Making the reconstruction of the course of the battle, the author concludes that its value has been really fateful, and probably has determined the future course of the whole Russian history.

Keywords: battle of Neva, Russia, Sweden, Alexander Nevsky, medieval fortress, chronicle, Russian history, topography of battle

УДК 340.15

ДУДИН Павел Николаевич, к.полит.н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права и конституционного права юридического факультета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (670013, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В, стр. 1; dudin2pavel@gmail.com)

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ МАНЬЧЖОУ-ГО (на материалах научных трудов русского Юридического факультета в г. Харбине)

Аннотация. В статье автор анализирует правовую основу деятельности органов государственной власти государствовоподобного образования Маньчжоу-Го, получившую освещение в «Сборнике законов и распоряжений Маньчжоу-Го» в 10 томах, изданном в 1936–1940 гг. японским чиновником М. Огуси при участии профессора Юридического факультета г. Харбина Г.К. Гинса. Анализируются особенности государственной системы Маньчжоу-Го, место в ней императора и его официального окружения, функциональное разделение государственных органов при отсутствии упоминаний о традиционном для западного общества разделении властей.

Ключевые слова: Маньчжоу-Го, Северо-Восточный Китай, органы государственной власти нормативный правовой акт, право

В 2015 г. исполнилось 95 лет русскому Юридическому факультету в г. Харбине¹. Одновременно с этим международное сообщество отмечало 70-летие окончания Второй мировой войны, которая для Китая и китайского народа оказалась самой кровопролитной. Наличие давних российско-китайских отношений, которые насчитывают без малого 400 лет [Энгельфельд 1929: 20], диктуют необходимость в более пристальном внимании к данным событиям, в которых наша страна принимала непосредственное участие. В связи с этим государственная система, внутренняя организация власти, система права и международный статус государствовоподобных образований, созданных японскими оккупационными силами на территории Северо-Восточного Китая и рассматриваемых ими в качестве плацдарма для нападения на СССР, представляют особый интерес.

¹ Как высшее учебное заведение факультет был создан в 1922 г., однако с 1 марта 1920 г. он существовал в качестве Высших экономико-юридических курсов, поэтому официальной датой образования считается 1920 г.